

Адаптационные стратегии и субъективное благополучие семей с детьми (по результатам глубинных интервью)*

Adaptation Strategies and the Subjective Well-Being of Families with Children (based on the Results of In-depth Interviews)

Ф. ФАЙЗУЛЛИН, А. КАРИМОВ,
Э. АХМЕТОВА

Файзуллин Фаниль Саитович, д-р филос. наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, главный научный сотрудник сектора социально-политических исследований Института социально-экономических исследований (ИСЭИ) Уфимского федерального исследовательского центра (УФИЦ) Российской академии наук (РАН). E-mail: fayzullin.f@gmail.com

Каримов Айбулат Галимьянович, канд. соц. наук, и.о. директора ИСЭИ УФИЦ РАН. E-mail: karaigal@gmail.com

Ахметова Эльмира Ирековна, научный сотрудник сектора социально-политических исследований ИСЭИ УФИЦ РАН. E-mail: isyan.elmira@yandex.ru

***Аннотация.** Исследуется социально-экономическое положение и стратегии адаптации малообеспеченных семей с детьми в Республике Башкортостан. На основе 30 глубинных интервью выявлен парадокс: семьи обладают характеристиками среднего класса, но испытывают хроническую финансовую неустойчивость. Описаны их комплексные стратегии в сфере труда, потребления и долгового поведения. Отношение к господдержке амбивалентно: признавая ее важность, респонденты критикуют критерии нуждаемости. Образование детей рассматривается как ключевой социальный лифт, однако оценка собственных перспектив часто пессимистична, что свидетельствует о «ловушке адаптации». Вывод: необходимы более адресные меры социальной политики.*

***Ключевые слова:** социально-экономическое положение, малообеспеченные семьи, адаптационные стратегии, бедность, ловушка адаптации, субъективная классовая идентичность, государственная социальная поддержка, глубинные интервью, регион.*

***Abstract.** The article examines the socio-economic situation and adaptation strategies of low-income families with children in the Republic of Bashkortostan. Based on 30 in-depth interviews, a paradox has been revealed: families have the characteristics of the middle class, but they experience chronic financial instability. Their complex strategies in the sphere of labor, consumption and debt behavior are described. The attitude towards state support is ambivalent: while recognizing its importance, respondents criticize the criteria of need. Children's education is seen as a key social elevator, but assessing one's own prospects is often pessimistic, which indicates an «adaptation trap». Conclusion: more targeted social policy measures are needed.*

***Key words:** socio-economic status, low-income families, adaptation strategies, poverty, adaptation trap, subjective class identity, state social support, in-depth interviews, region.*

Основные положения

1. Парадокс идентичности. Малообеспеченные семьи, обладая атрибутами среднего класса (жилье, машина), живут с чувством финансовой неустойчивости, что создает скрытую депривацию.
2. Стратегии выживания. Семьи используют оборонительные тактики: гибкая занятость, строгая экономия, личное хозяйство, родственные сети и полярные модели кредитного поведения.
3. Двойственное отношение к господдержке. Конкретные выплаты ценятся, но система признания нуждаемости через среднедушевой доход критикуется за несправедливость.

* Ссылка на статью: Файзуллин Ф.С. Адаптационные стратегии и субъективное благополучие семей с детьми (по результатам глубинных интервью) / Ф.С. Файзуллин, А.Г. Каримов, Э.И. Ахметова // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2026. № 1. С. 153–159. DOI: 10.34773/EU.2026.1.28.

4. Образование как главный лифт. Инвестиции в образование детей рассматриваются как ключевой ресурс для будущего роста.
5. Адаптационная ловушка. Перспективы оцениваются с осторожным оптимизмом или пессимизмом. Уязвимые группы адаптируются к минимальной стабильности, не ожидая улучшений.

Введение

Проблема бедности семей с детьми остается одной из наиболее актуальных в современной России. Несмотря на расширение мер государственной поддержки, риски материальной депривации для данной категории населения сохраняются на высоком уровне, приобретая зачастую хронический характер. В отечественной науке сформировался значительный массив исследований, посвященных структурным факторам бедности, региональной специфике, положению уязвимых категорий семей и эффективности социальной политики. Однако субъективное восприятие бедности, латентные адаптационные стратегии и внутренние конфликты самоидентификации домохозяйств изучены в меньшей степени, особенно на региональном уровне.

Целью данного исследования является комплексный анализ социально-экономического положения и адаптационных стратегий семей с детьми в Республике Башкортостан, находящихся в зоне риска бедности, через реконструкцию их субъективного опыта.

Для достижения цели были поставлены и решены следующие задачи:

1. Проанализировать субъективные оценки материального положения и факторы, влияющие на классовую самоидентификацию;
2. Выявить и систематизировать стратегии экономического поведения и адаптации (трудовая мобильность, потребление, долговая нагрузка);
3. Изучить восприятие семьями мер государственной поддержки и их эффективности;
4. Реконструировать профессиональные и жизненные траектории родителей, а также образовательные стратегии для детей;
5. Оценить перспективы изменения социально-экономического статуса с точки зрения самих респондентов.

Степень разработанности. Анализ современной отечественной научной литературы позволяет выделить несколько ключевых направлений в исследовании бедности семей с детьми в России, демонстрирующих как высокую степень эмпирической изученности проблемы, так и наличие дискуссионных полей и методологических вызовов.

Первое направление связано с анализом структурных детерминант бедности, где доминирует вывод о преобладании системных факторов над индивидуальными. Исследования [1; 13] фиксируют кардинальное изменение профиля бедности работающего населения: если в конце 1990-х гг. в группе риска находились мужчины и городские жители, то к концу 2010-х гг. уязвимость сконцентрировалась среди женщин и сельских жителей. Это связывается с консервацией «плохих» рабочих мест, прежде всего в сфере рутинного нефизического труда, и территориальным неравенством. Роль индивидуальных усилий в преодолении бедности снизилась, уступив место качеству рабочего места и месту проживания.

Второе направление акцентирует внимание на региональной и этнической специфике бедности. Ряд работ [3; 8; 10; 11; 15] посвящены изучению положения семей в отдельных субъектах РФ (Тыва, Башкортостан, Карелия). Эти исследования выявляют общие структурные барьеры (дефицит инфраструктуры ухода, гендерную сегрегацию на рынке труда), а также уникальные факторы, такие как высокая демографическая нагрузка в Тыве или специфика адаптационных стратегий в сельской местности.

Третье направление фокусируется на изучении наиболее уязвимых категорий семей. Наиболее разработанной является проблематика бедности многодетных [2; 5; 7] и неполных семей [4; 6; 11; 13; 14; 16]. Установлено, что риски и глубина бедности резко возрастают с рождением каждого последующего ребенка, а одинокие матери сталкиваются с кумулятивным эффектом от совмещения ролей кормильца и воспитателя, что негативно сказывается на их субъективном благополучии.

Четвертое направление исследует эффективность государственной поддержки. Многочисленные работы [2; 5; 17] констатируют, что, несмотря на расширение перечня мер, их воздействие остается недостаточным для преодоления хронической бедности. Текущие пособия и льготы оцениваются респондентами как неадекватные реальным потребностям, а социальные трансферты, будучи жизненно важными, зачастую не стимулируют экономическую активность. Налицо запрос со стороны семей на более весомую, прямую и адресную финансовую помощь, в частности, на решение жилищных проблем и покрытие расходов на образование.

Пятое направление связано с субъективным измерением бедности и информационным обеспечением политики. Исследование Назарбаевой [9] выявило значительный разрыв между официальной статистикой и восприятием бедности населением: россияне склонны завышать ее масштабы, ассоциируя бедность с пожилыми и маргинализированными группами, а не с семьями с детьми, и объяснять ее структурными, а не индивидуальными причинами. В свою очередь, Юдина и др. [12] указывают на фундаментальную проблему фрагментированности данных о положении семей, что препятствует разработке эффективных, доказательных и территориально-дифференцированных мер поддержки.

Таким образом, проблематика бедности семей с детьми в российской науке является достаточно разработанной на эмпирическом и описательном уровнях. Сформировалось единое мнение относительно ключевых факторов риска (структурные дисбалансы на рынке труда, высокая иждивенческая нагрузка, региональное неравенство) и недостаточной эффективности существующих мер поддержки. Вместе с тем, перспективными областями для дальнейших исследований остаются: разработка интегральных показателей для мониторинга положения семей, оценка долгосрочных эффектов новых мер социальной политики, изучение поведенческих установок и немонетарных аспектов бедности, а также поиск оптимальных моделей взаимодействия между мерами социальной поддержки и политики на рынке труда.

Методы

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе серии глубинных полуформализованных интервью. Выбор данного качественного метода обусловлен его эффективностью для реконструкции субъективных картин мира, выявления латентных установок и детального анализа сложных социальных феноменов, таких как стратегии адаптации домохозяйств к условиям бедности.

Процедура формирования выборочной совокупности.

Для формирования выборочной совокупности применялась стратегия целенаправленного отбора, направленная на достижение репрезентативности по ключевым для исследования параметрам. Критериями отбора респондентов выступили: уровень дохода домохозяйства (ниже или около прожиточного минимума), наличие двух и более несовершеннолетних иждивенцев, тип поселения и социальный статус семьи.

Финальная выборочная совокупность включила 30 респондентов из 11 городских и сельских локаций Республики Башкортостан. Географический охват обеспечил репрезентацию различных социально-экономических контекстов:

Крупные городские агломерации (г. Уфа, г. Стерлитамак);

Промышленные моногорода (г. Сибай, г. Салават, г. Нефтекамск);

Малые города (г. Бирск);

Сельские районы с разноуровневым экономическим развитием (Белорецкий, Белебеевский, Аскинский, Баймакский, Кигинский районы).

По критерию состава семьи выборка структурирована следующим образом:

– многодетные семьи (3 и более детей) – 15 респондентов;

– неполные семьи с детьми – 6 респондентов;

– полные семьи с двумя детьми – 9 респондентов.

В выборку также вошли семьи военнослужащих, участвующих в Специальной военной операции (СВО), как особая категория, испытывающая специфические социально-экономические риски.

Методы сбора и анализа данных

Сбор данных осуществлялся с использованием гайда глубинного интервью. Все интервью были аудиозаписаны с последующей транскрибацией. Анализ данных проводился методом тематического кодирования. На начальном этапе (открытое кодирование) были идентифицированы базовые смысловые единицы. Затем, в процессе осевого кодирования, эти единицы были структурированы, выявлены связи между ними и сформирована интегральная теоретическая модель.

Основные результаты и обсуждение

На основе анализа транскриптов глубинных интервью с многодетными семьями Республики Башкортостан были структурированы ключевые аспекты их социально-экономического положения и адаптационных стратегий.

Субъективные оценки материального положения и факторы, его определяющие.

Субъективная оценка материального положения и самоидентификация с тем или иным социальным слоем представляет собой сложный социально-психологический феномен, характеризующийся существенными внутренними противоречиями. Анализ транскриптов выявляет устойчивую тенденцию к нормативной идентификации со средним классом, однако эта идентификация носит поверхностный характер и сопровождается глубоким внутренним конфликтом. Как точно отмечает одна из респонденток, *«со стороны может даже показаться, что мы вполне себе средний класс. Но по ощущениям и внутреннему состоянию... я бы отнесла нас скорее к слою "ниже среднего"»*. Данный парадокс раскрывает ключевой аспект самооценки: респонденты склонны ориентироваться не на объективные экономические показатели, а на субъективное ощущение устойчивости и возможности распоряжаться ресурсами. Фактически, семьи могут обладать формальными атрибутами среднего класса (жилье, автомобиль), но при этом испытывать хроническое чувство финансовой неустойчивости из-за необходимости направлять все средства на текущие нужды. Основными факторами, формирующими эту оценку, выступают не абсолютные доходы, а высокие расходы на детей, значительная долговая нагрузка и ограниченность возможностей для сбережений и инвестиций в развитие. Важнейшую роль в процессе самоидентификации играет сравнительный контекст – респонденты активно сопоставляют свое положение с ближайшим социальным окружением (*«Среднестатистическая семья. Потому что большинство, с кем я общаюсь, все такие же, как я»*). При этом наблюдается сознательное дистанцирование от стигматизирующей категории «бедные», даже при объективно низких доходах, что выражается в использовании смягчающих формулировок (*«Не скажу, что бедная, но чуть больше»* или *«Я прямо не считаю, что бедная, но как бы нуждающейся считаю»*). Особый интерес представляет механизм адаптивной идентичности, когда некоторые информанты, находящиеся в сложном материальном положении, аргументируют свою принадлежность к среднему слою через сравнение с прошлыми, более трудными жизненными этапами. Таким образом, субъективная классовая идентичность многодетных семей представляет собой не статичный показатель, а динамический компромисс между объективными экономическими возможностями, социальными сравнениями и психологическими механизмами защиты от стигматизации, формируя сложную систему латентной депривации при сохранении внешних атрибутов социальной нормы.

Стратегии экономического поведения и адаптации (трудовая мобильность, потребление, долговая нагрузка). Адаптационные стратегии носят комплексный и зачастую оборонительный характер. В сфере трудовой мобильности ключевым ограничением для женщин выступает необходимость ухода за детьми, что формирует запрос на гибкую занятость (*«Гибкость в графике. Для меня самое главное – гибкость, чтобы была возможность где-то уйти, где-то сходить куда-то, отвезти ребенка»*). Потребительское поведение характеризуется строгой экономией, отказом от дорогостоящих продуктов и услуг (отдых, платные кружки), покупкой

товаров в рассрочку и использованием вещей «с чужого плеча». Широко распространена практика ведения личного подсобного хозяйства. В отношении долговой нагрузки выделяются две противоположные модели: стратегия минимизации займов («Мы больше не берем вообще, кредитными картами мы не пользуемся, кредиты мы не берем, если нам надо что-то купить, мы лучше подкопим как-то») и активное использование кредитов для поддержания текущего потребления, когда доля платежей в бюджете достигает 50-60% («Кредитов у нас вообще очень много... процентов, наверное, 60 точно от общего дохода»). Важную роль играет поддержка неформальных сетей, прежде всего родственников.

Восприятие мер государственной поддержки и их эффективности. Восприятие государственной поддержки отличается амбивалентностью. С одной стороны, респонденты высоко оценивают конкретные меры, такие как единое пособие, выплаты на детей, компенсации за школьную форму и субсидии ЖКХ, признавая их критическую важность для выживания («Это отличная прямая помощь, я считаю, от государства»). С другой стороны, повсеместно критикуется системная проблема – критерий нуждаемости, основанный на формальном среднедушевом доходе. Этот критерий исключает многие работающие семьи, порождая ощущение несправедливости («Обидно становится, когда человек сидит дома и получает все меры соцподдержки 100%... а работающие люди... платят налоги и, к сожалению, они наравне с теми, кто просто сидит без работы»). Также отмечаются значительные бюрократические барьеры, непрозрачность процедур и необходимость проявлять личную настойчивость для получения положенной помощи.

Профессиональные и жизненные траектории, образовательные стратегии детей. Профессиональные траектории родителей, особенно матерей, часто оказываются нарушены или ограничены в связи с семейными обстоятельствами (декрет, уход за детьми-инвалидами), что вынуждает их работать не по специальности или отказываться от карьерного роста. При этом сохраняется желание для профессиональной реализации или смены профессии («Всегда хотела стать врачом. Это уже моя мечта»). Центральное место в жизненных стратегиях занимают образовательные стратегии детей, которые рассматриваются как ключевой ресурс социального лифта. Акцент смещается с формального высшего образования на разностороннее развитие («Я мечтаю дать им хорошее образование, хороший опыт жизненный, образование именно в разных спектрах, это не означает только дать высшее образование, но и в каких-то, возможно, в спортивных мероприятиях»). Родители готовы инвестировать в будущее детей, даже ограничивая собственные потребности, и стремятся дать им возможность выбора профессии по интересам.

Оценка перспектив изменения собственного социально-экономического статуса. Оценка перспектив в краткосрочной и среднесрочной перспективе (2-3 года) в основном носит осторожно-оптимистичный или неопределенный характер. Улучшение материального положения связывается преимущественно с внутренними ресурсами семьи, в первую очередь – с выходом матерей на работу после декрета («Главное условие для этого – мой выход на работу. Когда у меня появятся свои стабильные деньги, это, безусловно, разгрузит бюджет»). Помощь от государства не рассматривается как основной драйвер улучшений. Среди наиболее уязвимых групп наблюдается пессимизм и стратегия пассивного выживания, сконцентрированная на надежде на сохранение текущих выплат («Думаю, нет [изменений к лучшему]. Ничего, так бы все осталось... Лишь бы это УП продляли»). Это указывает на формирование «ловушки адаптации», когда домохозяйства, находясь в состоянии минимальной устойчивости, не видят возможностей для долгосрочного улучшения своего положения, демонстрируя высокую адаптивность к существующим условиям без ожидания кардинальных позитивных изменений.

Заключение

Проведенное исследование на основе глубинных интервью с семьями с детьми в Республике Башкортостан позволило получить целостную картину их социально-экономического положения, выходящую за рамки официальных статистических показателей.

Ключевым выводом работы является раскрытие парадоксальной субъективной идентичности респондентов. Внешнее соответствие атрибутам среднего класса (наличие жилья, автомобиля) сочетается с внутренним ощущением финансовой неустойчивости, что формирует феномен латентной депривации. Это свидетельствует о том, что традиционные экономические индикаторы недостаточны для понимания реального положения семей, и требует учета субъективного измерения благополучия.

Анализ адаптационных стратегий показал их комплексный и зачастую оборонительный характер. Семьи активно используют гибкую занятость, строгую экономию, ведение личного подсобного хозяйства и поддержку родственных сетей. При этом в долговом поведении наблюдаются две противоположные модели: полный отказ от кредитов и активное их использование для поддержания текущего потребления, что создает высокие риски для финансовой стабильности домохозяйств.

Восприятие государственной поддержки характеризуется амбивалентностью. Конкретные выплаты и пособия признаются жизненно важными, однако системный недостаток, связанный с критерием нуждаемости на основе среднедушевого дохода, порождает у работающих семей чувство несправедливости и исключает многие из них из числа получателей помощи.

Центральное место в жизненных стратегиях занимают образовательные траектории детей, которые рассматриваются как основной ресурс социальной мобильности. В то же время оценка собственных перспектив родителями в основном осторожна или пессимистична. Улучшение положения связывается с внутренними ресурсами семьи (выход матери на работу), а не с помощью извне. У наиболее уязвимых групп наблюдается стратегия пассивного выживания и формирование «ловушки адаптации», когда домохозяйства приспосабливаются к минимальной устойчивости, не ожидая кардинальных улучшений.

В практическом плане результаты исследования указывают на необходимость пересмотра критериев предоставления социальной помощи в сторону учета реальных расходов и финансовой нагрузки семей, а также на важность развития инфраструктуры ухода и гибких форм занятости, особенно для женщин. Дальнейшие исследования могут быть сфокусированы на долгосрочном мониторинге положения таких семей и оценке эффективности новых мер социальной политики.

Литература

1. Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за последние 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4(36). С. 23–41. DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8603.
2. Бочанов М.А. Снижение уровня бедности среди многодетных семей: направления российской государственной политики // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 2. С. 55–61. DOI 10.33693/2223-0092-2024-14-2-55-61.
3. Бурханова Ф.Б., Асадуллина Г.Р. Условия и факторы жизни семей с детьми у башкир и тувинцев (опыт социологического анализа) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 31–46. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4.
4. Горина Т.И. Субъективное благополучие матерей из полных и неполных семей (по данным RLMS-HSE 2004-2023 гг.) / Т.И. Горина, З.Е. Дорофеева, О.Д. Натсак // Социологический журнал. 2025. Т. 31, № 1. С. 47–72. DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.3.
5. Гришина Е.Е. Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов // Финансовый журнал. 2024. Т. 16, № 1. С. 45–60. DOI 10.31107/2075-1990-2024-1-45-60.
6. Гулюгина А.А., Чащина Т.В. Уровень жизни домохозяйств с детьми в современной России: факторы риска // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 4. С. 556–571. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571.
7. Землянова Е.В. Экономическое положение многодетных семей Москвы и Московской области: социологическое исследование / Е.В. Землянова, Н.А. Безвербная, Е.К. Журавлева //

Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21, № 2. С. 223–232. DOI 10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232.

8. Мухамеджанова В.А., Фадеева Н.Л. Факторы бедности семей с детьми: по результатам социологического исследования в Республике Карелия // Сборник Региональной научно-практической конференции – студенческой научной школы филиала МАГУ в г. Апатиты: Сборник материалов конференции, Апатиты, 28 апреля 2021 г. / Отв. редактор И.В. Вицентий. Апатиты: Филиал ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет», 2021. С. 223–233.

9. Назарбаева Е.А. Восприятие феномена бедности населением: кого и почему россияне считают бедным? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4(176). С. 30–53. DOI 10.14515/monitoring.2023.4.2398.

10. Натсак О.Д. Материальная самооценка жителей Республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 120–135. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.1.10.

11. Натсак О.Д. Проблемы бедности неполных семей в Туве // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 204–220. DOI 10.25178/nit.2024.4.14.

12. Поддержка семей с детьми как направление социальной политики и задача стратегического управления: опыт и проблемы формирования информационного ресурса для анализа положения семей с детьми в регионах РФ / Т.Н. Юдина, А.В. Богомолова, О.В. Петухова, А.П. Вайншток // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. С. 91–103. DOI 10.24412/2070-1381-2021-88-91-103.

13. Разумов А.А., Селиванова О.В. Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4(45). С. 75–88. DOI 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88.

14. Сачук Д.И., Фадеева Н.Л. К вопросу о социально-экономической уязвимости семей с детьми в современных российских реалиях // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: Сборник научных статей / Редакторы О.А. Козлова [и др.]. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2023. С. 532–541. DOI 10.17059/udf-2023-5-18.

15. Свинухова Ю.Н. Повышение уровня трудовой занятости женщин с детьми как приоритетное направление социального развития в Республике Башкортостан // Социодинамика. 2021. № 4. С. 102–118. DOI 10.25136/2409-7144.2021.4.35449.

16. Селиванова О.В., Коробкова Н.Ю. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1(54). С. 147–156. DOI 10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156.

17. Селиванова О. В., Коробкова Н. Ю. Социальная поддержка женщин в России в контексте повышения рождаемости: проблемы и перспективы // Социально-трудовые исследования. 2023. № 2(51). С. 119–129. DOI 10.34022/2658-3712-2023-51-2-119-129.